

кардинал», «Всі кішки вночі сірі».

Але в східнослов'янській культурі *сірий* асоціюється також з сутінком, з міліціонером, з чоловічим ім'ям Сергій і з малоосвіченими або нерозумними людьми. А у німців *сірий* асоціюється ще з теорією, яка не перевірена на практиці, а також з назвою невеликої політичною партії.

Висновки:

1. «Старіші» кольори (червоний, білий, чорний, зелений, синій) мають сталі значення, які розпізнаються як в німецькій, так в українській і російській культурах.

2. Асоціативні образи кольоропозначень в трьох культурах здаються близькими і навіть ідентичними, проте при детальному розгляді виявляються деякі відмінності. Найбільш близькими в цих культурах є асоціативні образи кольоропозначень «білий», «чорний», «помаранчевий» і «зелений», «коричневий». Найбільші відмінності асоціативних образів були знайдені для кольоропозначення «фіолетовий».

3. Символіка кольору часто має політичне значення.

4. Символи представлені у великому різноманітті в фразеологічному фонді досліджуваних мов. В більшості випадків дані мовні одиниці характеризують людину, його поведінку, його навколишній світ і залежно від відтінку, кольори виражають позитивну або негативну оцінку.

Зазначені особливості німецької, української та російської мов на матеріалі лексем на позначення кольору є основою для подальших досліджень.

Література

- Абазова К.В. Языковая репрезентация цвета: лингвокультурологический аспект (на материале кабардино-черкесского, английского и русского языков): дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / Абазова Карина Владимировна. – Нальчик, 2009. – 168 с. Гатауллина Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира: На материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.20 / Гатауллина Лилия Равилевна. – Уфа, 2005. – 259 с. Керлот Х.Э. Словарь символов / Керлот Х.Э. – М.: РЕФЛ-бук, 1994. – 608 с. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета / Кульпина В. Г. – М.: Моск. лицей, 2001. – 470 с. Купер Дж. Энциклопедия символов / Купер Дж. – М.: Ассоциация духовного единения "Золотой век", 1995. – 401 с. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы / Мальцева Д. Г. – М.: Высшая школа, – 1991. – 173 с. Платонова Н. А. Когнитивное обоснование цветообозначений в разносистемных языках: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04, 10.02.20 / Платонова Нина Александровна. – М., 2007. – 175 с. Попович М.В. Світогляд давніх слов'ян / Попович М. В. – К., 1985. – 151 с. Похлѣбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики / Похлѣбкин В.В. – М.: Международные отношения, – 2001. – 560 с. Словник символів / [за заг. ред. О. І. Потапенко, М. К. Дмитренко та ін.]. – К.: редакція часопису «Народознавство», 1997. – 108 с. Тресиддер Дж. Словарь символов / Тресиддер Дж. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.

УДК 811.111:81'253

ОВСЯННИКОВ В. В., ГАЗДА Н. Н.

(Запорожский национальный университет)

ПЕРЕВОД РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ

В статье рассматриваются переводческие проблемы разговорной лексики.

Ключевые слова: разговорная лексика, сленг, стилистическая дифференциация, непереводаемость, частичная переводаемость, единица перевода.

Овсянников В. В., Газда Н. Н. Переклад розмовної лексики. У статті розглядаються перекладацькі проблеми розмовної лексики.

Ключові слова: розмовна лексика, сленг, стилістична диференціація, неперекладність, відносна перекладність, одиниця перекладу.

Ovsyannikov V. V., Gazda N. N. Translation of informal lexis. The article explores translation problems of informal lexis.

Key words: colloquial lexis, slang, stylistic differentiation, untranslatability, relative translatability, translation unit.

Цель настоящей статьи – раскрыть переводческую проблематику разговорных единиц языка, многие из которых носят статус «относительно переводимых» и «непереводимых».

Актуальность исследования определяется следующими соображениями:

1. Разговорные единицы, возникая в живом и непосредственном общении, представляют для лингвиста важнейший полевой материал исследований, потому что любые изменения в этом классе единиц позволяют делать прогнозы о развитии всей языковой системы [Балли 1961: 38].

2. Решающую роль в воспитании высокой языковой компетенции играет высокочастотный слой разговорной лексики. Руководствуясь принципом частотности, синонимический словарь английского языка “Language Activator” иллюстрирует стилистические нюансы разговорных единиц из 10-миллионной выборки [Activator 1997]. Несомненным достоинством этого издания были подробные объяснения теоретических позиций, заложенных в словаре, и рекомендации о технике использования

словарных статей. Словарная выборка издания 2002 года составила уже более 300 млн. единиц. К сожалению, существенное увеличение полевого корпуса слов сопровождается изменением комментария в худшую сторону: он становится очень скудным, вся теоретическая полемика о стилистической дифференциации лексики исчезает.

3. «Естественность» - важнейший ориентир для переводчика в стратегии Горация – связывают, прежде всего, с нормами разговорной речи [Bassnett 1998]. 866 концептов, объединяющих синонимические группы «Активатора», иллюстрируются «естественными» примерами.

4. Фундаментальный вопрос создания универсального инвентаря стилистических помет решается неудовлетворительно в большинстве словарей. Блестящим и до сих пор никем не превзойдённым достижением в этом смысле является «Введение», составленное И. Р. Гальпериным к БАРСу [БАРС 1979].

5. Всеобщая переводимость, в основе которой лежат три фактора (одинаковый механизм физического восприятия у всех людей, единство окружающего нас материального мира и универсальность базовых намерений [Овсянников 2011]), не исключает существования лакун в языковых межсоответствиях [Овсянников 2010].

Погружение в тему начнём с разбора словарной дефиниции.

АИТ: *I like a good smooch from my hubby.*

РПТ: *Я хочу, чтобы мой муж меня как следует поцеловал.*

Выделенные соответствия не являются эквивалентами. Английское разговорное *smooch* включает два значения: *целовать* и *обнимать*. Следовательно, в переводе мы имеем дело с конкретизацией. Столь же правомерно было бы перевести: *как следует обнял*. Обе конкретизации – недостаточно конкретны, о чём говорит «Активатор»:

Smooch – an informal word meaning to kiss frequently and for a long time, usually while dancing slowly.

Рассмотренный пример позволяет сделать некоторые предварительные выводы:

1. В области разговорной лексики едва ли следует искать абсолютные эквиваленты. Как правило, используемое соответствие отражает только часть семантики исходной единицы.

2. Даже в пределах одного предложения наблюдаются разные стратегии в переводе интересующего нас класса единиц. В соответствии *a good smooch* - *как следует поцеловал* наблюдается стремление найти функциональный аналог. В соответствии *hubby* - *муж* наблюдается нейтрализация: с потерями разговорных коннотаций мирятся, хотя напрашивается функциональный аналог *hubby* – *муженёк*.

3. Словари не могут фиксировать стремительные изменения в семантике некоторых представителей класса разговорных единиц. Линн Виссон метко назвала такие единицы «хамелеонами» в одноименной книге [Виссон 2011].

4. Словари не фиксируют этимологические мифы, с которыми связано употребление многих разговорных единиц. Например, таких, как *let the cat out of the bag, the whole nine yards, rule of thumb* и многих других [Wilton 2009].

Все четыре наблюдения позволяют говорить об относительной переводимости разговорной лексики. Есть разные причины относительной и полной непереводимости – дело здесь не только в подвижной семантике коллоквиализмов. Наблюдается много случаев, когда прямой перевод, позволяющий сохранить стилистическую нагрузку исходной единицы, считается неприемлемым, потому что принимающая культура отвергает использование вульгарных и нецензурных выражений.

Обратимся к заголовкам, украсившим 24 марта новостные сайты «непереводимой» единицей, которая нахально переместилась из сферы разговорной речи в сферу масс медиа, хотя имеет статус «непечатной»:

Патриарх Кирилл призвал не оправдывать «кошунство» [Pussy Riot](#)

Главный юрист РПЦ считает [Pussy Riot](#) нарушителями УК

[Pussy Riot](#): единого мнения нет

Формально источником неприличного каламбура, выделенного выше, является английский язык. В действительности, источником является русскоязычный дискурс, который использует английские единицы в самых разных целях. В данном случае российская [феминистская панк-рок-группа](#) назвала себя скандальным именем в рекламных целях, надеясь таким способом завоевать популярность. Организовывая свои выступления в формате нелегальных акций в нетрадиционных местах (станции [московского метро](#), крыши троллейбусов, следственный изолятор полиции, [Красная площадь](#) и [Храм Христа Спасителя](#)), ушлые девицы добились своего и приобрели сомнительную

славу всего за полгода.

В Интернете можно найти разные варианты перевода *Pussy Riot*, но в печати данная единица признана «непереводимой» и используется только как англоязычное заимствование. На самом деле, непереводимость здесь состоит только в том, что стилистические нормы принимающей культуры не позволяют использовать непечатную лексику, хотя начинающие переводчики обнаруживают устойчивую склонность использовать «эквиваленты» с аналогичной функциональной нагрузкой [Бузаджи 2006]. Используемая в роли английского заимствования в русскоязычном дискурсе, данная единица не выглядит столь одиозно.

Разнообразие приёмов борьбы с «непереводимостью», охарактеризованной выше, демонстрируют переводы литературной классики. Рассмотрим следующий пример, стилистическая единица в котором (выделена шрифтом) принадлежит классу узуальных дерогативных эпитетов. Опущение прилагательного *dirt* во всех переводах позволяет утверждать, что к интерпретации привлекается не только знание ситуации (беседа между близкими людьми), но и стилистический контекст, требующий воспроизвести транслему в соответствии с нормами принимающей культуры:

АИТ: “*Don’t talk to me. You dirty little bitch. You’ve made me cry.*”

“Angel”. (W. S. Maugham. Theatre)

РПТ: - *Не заговаривай со мной. Маленькая чертовка, ты заставила меня плакать.*

- Ангел!

НПТ: «*Sprich nicht mit mir. Du hast mich richtig Zum Weinen gebracht, kleines Biest.*»

«Lieber!»

ФПТ: - *Taisez-vous, petite garce! Vous m’avez fait pleurer.*

- Cherie!

Самое главное для переводчика в этом примере – понять, что дерогативный эпитет использован «не по назначению» (это – одна из разновидностей иронии, когда в плохое слово вкладывают хороший смысл). Это – вторая причина (после консервативных норм принимающей культуры), по которой в родном языке надо искать менее «сильное» соответствие, несущее аналогичную функциональную нагрузку – эквивалент оказывается неприемлем в РПТ и НПТ. ФПТ близок оригиналу, хотя конкретизирует дерогативный эпитет АИТ в довольно неожиданном направлении: в семантику дерогативного французского эпитета *garce* входит значение *помаскуха*, что никак не вписывается в контекст.

Табуированная лексика представляет собой неотъемлемую часть разговорной. Грамматика Суона создаёт впечатление, что табуированная лексика связана исключительно с непечатными словами [Swan 1995]. Несмотря на авторитет автора, мы склонны присоединиться к другой точке зрения, которая связывает их с языковой игрой в области определённой тематики [Кудрявцев 2001].

Интерпретации разговорных единиц мешает одновременное использование в англоязычной лексикографии маркеров «*slang*» и «*informal*». Приведём пример:

24 марта на сайте euronews появился заголовок:

[Cameron calls last orders for ‘binge-drinking Britain’](#)

В переводах цитата с разговорной единицей подвергается генерализации:

РПТ: [В Великобритании установят минимальный порог цен на дешёвый алкоголь](#)

НПТ: [Cameron: Schluss mit billigem Fusel!](#)

ФПТ: [Grande-Bretagne : contre l’ivresse à outrance, David Cameron s’attaque au prix du flacon](#)

Во всех переводах опущению подвергается отрицательная оценка, которую премьер-министр даёт привычке своих соотечественников злоупотреблять алкоголем. Другими словами, семантика *binge* в переводах игнорируется. Англ. *binge* (кутеж) маркируется в словарях маркерами *informal* и *slang*, что подтверждает наблюдение И. Р. Гальперина: сленг – неудобный стилистический маркер, поскольку охватывает все пласты разговорной лексики и является, таким образом, очень многозначным, конкурируя с другими общими маркерами («разговорное» или «*informal*»). Все эти маркеры нельзя противопоставлять друг другу – нужно выбрать один.

Наблюдаются случаи отступления от словарного эквивалента, когда стилистические нормы принимающей культуры не противостоят его использованию:

АИТ: *Maas hints at a darker side to the free-for-all.* ([The Telegraph](#). Mad Men, mad women and mad days. By Glenda Cooper. 7:30AM GMT 21 Mar 2012)

РПТ: *Маас упоминает и о тёмной стороне этого праздника жизни.*

Как ясно из приведённого перевода на inosmi.ru, переводчик не использует ни русское

соответствие (*всеобщая драка, свалка*), ни соответствие, предлагаемое толковым словарём (*a disorganized or unrestricted situation or event in which everyone may take part, esp. a fight, discussion, or trading market*). Толковый словарь, как мы видим, предлагает более детальную семантику, но *праздник жизни* явно выходит за её границы, хотя может рассматриваться как пример очень удачной (контекстуально обоснованной) конкретизации.

Для понимания актуальной контекстуализации разговорной лексики важную роль играет жанр новостей. Не случайно в своей выборке «слов-хамелеонов» Линн Виссон обращается именно к этому жанру. Не случайно к этому жанру для демонстрации модных слов (*buzz words*) обращается Дэвид Кристел, ведущий соответствующую рубрику на сайте *bbc.co.uk*.

В заключение отметим, что разговорную окраску не нужно ассоциировать только с лексикой. Грамматика располагает богатым репертуаром носителей разговорных коннотаций, которые гораздо менее изучены (здесь мы полностью разделяем мнение Ю. М. Скрёбнева). В примерах ниже они возникают под влиянием опущения личного местоимения первого лица:

Англ.: *Can't say I'd noticed it.*

Нем.: *Schön! Werde mal selbst aussuchen* (Remarque)

Фр.: *"Je suis Christophe Krafft..." – "Connais pas"*. (Rolland) [Скрёбнев 1985: 188]

Во французском примере опускаются два слова: местоимение *Je* и первая часть отрицания *ne*.

Выводы

1. Использование в англоязычной лексикографии маркеров «*informal*» и «*slang*» является спорной практикой, поскольку оба маркера являются самым общим способом представления очень отличающихся классов разговорной лексики. Эту мысль очень убедительно обозначил И. Р. Гальперин в БАРСе. Третьему изданию БАРСа исполнилось 33 года. Это – юбилейная дата последнего лексикографического шедевра докомпьютерной эпохи. Тем значительнее выглядят его достижения, среди которых – гениально простая схема стилистической дифференциации английской лексики.

2. Переводчик должен исповедовать идею «переводимо всё» с учётом понимания тех ограничений, которые требуют нормы принимающей культуры.

Стилистические нормы русской культуры не позволяют использовать в переводе эквиваленты табуированной лексики английского языка. В этом смысле табуированная лексика является относительно переводимой.

3. Заказчик перевода, совокупность факторов, определяющих задачи перевода в принимающей культуре (скопос), особенности коммуникативного проекта с учётом его адресата – заставляют переводчика в одном случае обращаться к транскрипции (*copywriter - копирайтер*), а в другом – к описательному переводу (*copywriter - составитель рекламных текстов*).

4. Обобщить практику перевода коллоквиализмов позволяют двуязычные словари сленга, но особое место в доминирующей контекстуализации данных единиц занимает жанр новостей, в котором представлены самые высокочастотные их представители.

Литература

Балли, Шарль. Французская стилистика (перевод с французского К. А. Долинина). – М.: Иностранная литература, 1961. – 395 с. *БАРС* – Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Ок. 150000 слов. Сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин и др.; Под общ. Рук. И. Р. Гальперина. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1979. Т. 1 А – L. 824 с. *Бузаджи* Д. М.. Норма ненормативного. – Мосты, №1 (9). – М.: «Р.Валент», 2006. – С. 43 – 55. Виссон, Линн. Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке. – М.: «Р. Валент», 2010. – 160 с. *Кудрявцев* А. Ю., Куропаткин Г. Д. Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов. – Мн.: ООО «Кузьма», 2001. – 384 с. *Овсянников* В. В. Точка зрения переводчика: лекции по университетскому переводоведению. Учебное пособие для студентов переводческих отделений университетов. – Запорожье: Просвіта, 2010. – 448 с. *Овсянников* В.В. Модальность и перевод: монография. – Запорожье: Просвіта, 2011. – 364 с. *Скрёбнев*, Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 210 с. *Тобольская* С. И. В мире сленга. – Саратов: Лицей, 2004. – 272 с. *Activator* – Longman Language Activator: The World's First Production Dictionary. – London: Longman, 1997. – 1587 p. *Bassnett*, Susan and *Lefevere*, Andre. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. – Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters LTD, 1998. – 143 p. *Swan*, Michael. Practical English Usage. – Oxford University Press, 1995. – 658 p. *Wilton*, David. Word Myths: Debunking Linguistic Urban Legends. – Oxford University Press, 2009. – 221 p.